УДК 14:93

Старостин А.М.

Проблемы изучения советской истории и метод М. Ферро

Автор исходит из анализа особенностей и сложностей исторического познания, реконструкции и репрезентации исторических процессов и событий, которые выявлены различными направлениями философии истории. Применительно к феноменам «исторической памяти» и «образов прошлого», фигурирующих в современном массовом сознании, подчеркивается значимость исследований известного историка М. Ферро. С помощью «метода М. Ферро» установлено существенное влияние на образ прошлого страны, нации, крупной общности таких ценностных факторов и позиций, как: этноцентризм, идеоцентризм, лидероцентризм, событийный центризм. Своеобразным «противоядием» против подобных исторических аберраций выступает метод полицентричной подачи в репрезентации исторических образов, основанный на информировании (в политкорректных формах) массового субъекта о существовании параллельных и альтернативных образов одних и тех же процессов и событий.

Ключевые слова: Методологическая рефлексия в истории, «метод Ферро», философская инноватика, историческая диатропика, полицентризм исторического восприятия, проблемное обучение истории.

Представляемые суждения навеяны дискуссиями, прошедшими в Центре политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета в рамках научных конференций «Проблема проработки советского прошлого» (23-24 марта 2013 г.) и «Наследие коммунистического прошлого в современной жизни России и российские перспективы левого движения» (18-19 мая 2013г.). Проблемы, представленные на обсуждение конференции «Проблема проработки советского прошлого», вызвали у меня интерес не только как у ученого, философа, претендующего на новации в философско-методологической сфере («философская инноватика»), но и как у эксперта в области политики, который, работая в Президентской академии, должен предлагать определенные рекомендации в политико-управленческой сфере. А так же, как у гражданина, погруженного в очень сложный, конфликтный социально-исторический ценностно-смысловой контекст усилиями СМИ, политтехнологов, партийных идеологов и общественных деятелей нашего времени – Времени, как долгое время говорили, транзита. А ныне социально-

политическая лексика обновляется и говорят не о трендах, а о турбулентности и лиминальности†.

Сразу же хочу напомнить, что известным русским поэтом Александром Полежаевым применительно к нашему Отечеству, которое время от времени попадает в зоны турбулентности и лиминальности, уже 200 лет назад были написаны поэтически образные, но очень точные в отношении нашего исторического прошлого строки:

Была страна под небесами,
Была великая страна –
Страна чудес, … но времена
Враждуют страшно с чудесами!

Понятное дело, что ностальгическое представление о «стране чудес» значительно усиливается и охватывает большие массы людей в периоды разорительных и мучительных социальных преобразований и сразу после них. В XX веке эти потрясения накрывали Россию трижды: страшная волна Первой мировой, гражданской войн и иностранной интервенции; не менее опустошительная волна Второй мировой и изматывающей «холодной» войны; и, наконец, современный период, начавшийся с перестройки и все еще идущий по сценарию – траектории, которые в конце 80-х годов метафорически были обозначены как «перестройка – перестрелка – перекличка». В каждом таком водовороте вряд ли уцелело бы какое-либо еще государство. А Россия была в центре, в воронке. Еще в начале 20-х гг. XX в. знаменитый Герберт Уэллс, много размышлявший о прошлом и будущем человеческой цивилизации, писал: «К 1920 г. Россия являла собой еще невиданное до сих пор зрелище современной цивилизации, пришедшей к полному краху» [1, с. 452]. И еще, о конце периода, связанного с Первой мировой войной: «Вследствие ее было убито множество людей. Мир обеднел, все страны пришли в расстройство, а Россия была совершенно разорена» [1, с. 453]. А впереди были еще не менее двух разрушительных потрясений. В итоге все «скелеты в шкафу», которые в развитых странах хранят, а то и лелеют столетиями, в России выбрасывались на общее обозрение по меньшей мере трижды. Перемешались все их кости и имена их хранителей. Неоднократно злодеи становились героями, а герои объявлялись злодеями. По многу раз переименовывались города, улицы, да и страна в целом. Менялись праздники. Горели и исчезали по несчастью или умыслу архивы и миллионы документов и свидетелей. А смысловые ключи к пониманию множества документов утеряны или находятся на грани утери. И это не меньшая проблема, чем ключи к пониманию древних культур.

Я говорю об этом постольку, поскольку число идеологизированных и политизированных историков у нас не стало меньше. И хотя мы за короткое время смогли освоить немалое число новых для нас доктринальных и доку-

† Лиминальность (liminality) – переход от одной определенности к другой, одного состояния системы в другое, что предполагает некую стадию деструктивности, утраты определенности. См.: Проективный философский словарь. СПб: Международная кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике СПб науч.центра РАН /Артемьева Т.В. и др. 2002.

ментальных исторических источников, но историческое профессиональное и массовое сознание не поднялось на новый уровень. Даже известные авторы, претендующие на объективность, слишком спешат с итоговыми выводами, не давая себе труда «отремонтировать» старую машину по производству исторических знаний. Вот небольшой фрагмент из научно-публицистической 700-страничной книги известного историка Роя Медведева. Резюмируя сказанное на этих страницах, он подчеркивает: «Одни авторы перечисляют только достижения, другие только пороки советской модели социализма. Следует быть более объективными. Советский Союз был уникальным государством с необычной общественной системой. Многие цели и задачи, которые ставились перед нами в программах КПСС, были не только разумными, но и благородными. Однако этими целями нельзя было оправдать примененные лидерами КПСС порочные или даже преступные средства. Такие средства не только дискредитировали цель, но и делали ее недостижимой» [2, с. 634].

Интересное суждение – в особенности относительно преступности средств. Особенно интересное, если более четко соотнести в историческом времени благие намерения и «преступные» (с чьих-то оценочных позиций – чьих спрашивается?) средства. Получается, что периоды наибольшего задействования «преступных» средств давали наиболее существенное продвижение к благим целям. Иными словами, можно доказывать (и это, разумеется, делается другими, не менее известными историками) противоположную теорему. Но самое главное, что ни те, ни другие не предлагают новые фундаментальные концепции, которые помогли бы углубить наше понимание собственной (и не только) истории. Гораздо ближе к истине стоят представители науки, опирающиеся на ироничный фольклор, например, такой:

– Первое правило переходного периода истории: на каждого историка найдется историк такой же величины с противоположным мнением.

– Второе правило переходного периода истории: и оба они неправы.

Но какая же дорога ведет к Храму исторической истины? Ответ на данный вопрос не прост, и он связан с реконструкцией эволюции системы исторического познания. А коль скоро мы выходим на вопросы, связанные еще и с историческим образованием и распространением исторических знаний, то – с углубленным их изучением, причем сопряженным с развитием исторического познания.

В этом плане весьма значимо и поучительно использование «метода Ферро».

Марк Ферро – известный французский историк, представитель знаменитой историографической школы «Анналы» и соредактор одноименного журнала. Специализировался в 60-е гг. XX в. на советской истории, защитив докторскую диссертацию о русской революции 1917 г. С начала 80-х гг. XX в. широко известна его книга «Как преподают историю в разных странах мира» (В нашем переводе – «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» - издание 1992 и 2010 гг. [3]). Он показал исключительную роль исторического образования и деятельности СМИ в формировании этих феноме-

нов. В частности, применительно к историческому образу недавнего прошлого, который изучался М. Ферро в более чем 50 странах мира, с помощью «метода М. Ферро» установлено существенное влияние на образ прошлого страны, нации, крупной общности таких ценностных факторов, как: этноцентризм, идеоцентризм, лидероцентризм, событийный центризм. М. Ферро показал на примере, в том числе преподавания истории в ряде бывших республик СССР, наличие тенденций аберрации (искажений) исторической памяти в виде существенного преувеличения исторической значимости «успешных» событий (военно-политические победы, экономические и социальные достижения) и преуменьшение или исключение из событийного поля поражений, потерь, большой цены успеха. А также подчеркивание решающей роли страны, нации, этноса в «Большой истории», что иногда в нашей культуре обозначают в виде ряда ироничных метафор («Глобус Украины», «Россия – родина слонов» и т.п.).

В частности, в Предисловии к своей книге М. Ферро указывает на несколько примечательных примеров: «Все общества Юга деколонизируют свою историю, и часто теми же средствами, какими пользовались колонизаторы, т.е. конструируют историю, противоположную той, что им навязывали прежде. Сегодня у каждой нации есть несколько историй, накладывающихся одна на другую и сопоставляющихся одна с другой» [3, с. 7].

И далее: «Истории, независимо от ее тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба… Что касается функции истории как борца, то тут на ум приходят прежде всего манипуляции, практиковавшиеся в СССР. Долгое время предавался забвению Троцкий, а говорилось только о Сталине. Затем имя Сталина исчезло или почти исчезло, а Троцкого стали цитировать часто, но лишь для того, чтобы осудить. С началом перестройки вновь появился Бухарин, стали мягче писать о Троцком, вспомнили Мартова… Еще более радикальна эволюция образования в США. Она состоит в переходе от идеологии melting-pot (Америка как «плавильный котел», в котором перемешиваются народы, превращаясь в единое целое) к идеологии salad-bowl («салатница»), согласно которой каждая культура сохраняет свою самобытность. Однако несмотря на все изменения, существует своего рода матрица истории каждой страны: это доминанта, запечатленная в коллективной памяти общества. И очень важно знать суть этой матрицы» [3, с. 7-8].

Суть метода Ферро, с нашей точки зрения, состоит во включении методологической рефлексии в формирование научно-исторического и историко-образовательного знания.

Вспоминая работы профессора А.В. Потемкина по истории философии и эволюции философского знания [4], правомерно говорить о диатрибической традиции не только в философии, но и в историческом познании. Когда собственно научно-исторические знания, достаточно сложные и разнообразные, содержащие значительную долю гипотетических и оценочных суждений, в силу различных обстоятельств, значительно упрощаются, «выпрямляются» от поисковых зигзагов и проблематичных суждений и превращаются

в диатрибический («школярский») текст. Между тем, и в самом историческом обучении, как и во многих других предметных областях, уже около полусотни лет известен метод и система проблемного обучения (В.В. Давыдов, Л.В. Занков), во многом корректирующий диатрибические отклонения. И делающий само историческое образование более релевантным системе научно-исторических знаний и соотносимым с познавательно-историческим процессом.

Релевантная реконструкция эволюции системы исторического познания и сознания в первую очередь опирается на исследования в области философии истории. Ибо здесь прежде всего обращается внимание на основания главных парадигм в познании истории. В их числе «субстанционалистская трактовка, релятивистское понимание истории, экзистенциальное вопрошание о смыслах истории» [5, с. 201].

В качестве парадигмальных новаций, которые выявляются с помощью инструментария философской инноватики, следует указать на историческую диатропику в рамках глобально-эволюционного подхода, а также применение синергетических и математических моделей к анализу социально-исторических систем.

В связи с этим сделаем несколько пояснений по поводу философской инноватики. Прежде всего речь идет об аналогии с современной научной деятельностью, что позволяет выделить в философии фундаментальную, прикладную части и сферу разработок. Приложения философии и разработки, сделанные с помощью философского инструментария, направлены на повышение эффективности научного поиска в той его части, где требуется усиленная теоретико-рефлексивная работа. Речь также идет о таких направлениях философской деятельности, которые концентрируются на выявлении оснований предметно-научных и междисциплинарных областей, анализе смены отраслевых научных парадигм, частнонаучных и общенаучных картин мира и других исследовательских направлениях, где сама наука или область рационально осмысленного практического опыта не имеют достаточно серьезного и отрефлектированного инструментария теоретического синтеза [6].

Впрочем и возможности уже известных парадигмальных подходов могут быть углублены и дополнены. На наш взгляд, следовало бы также реконструировать концепцию социального информационного кодирования М.К. Петрова, обещающую выход на более существенные обобщения в области социально-информационной картины мира, что предполагает также и реализацию идеи ноосферы и, в свою очередь, перевода исторического развития и исторического познания в глобально-эволюционный контекст.

Существенным дополнением понимания сложности и многомерности исторических процессов (политическая история, экономическая история, социальная история в глобальном, региональном и локальном преломлении) и их погруженности в социально-информационное пространство выступает изучение эволюции исторического образования и исторического массового сознания (включая и проблему «исторической памяти»). В этом аспекте я бы также подчеркнул значимость «метода М. Ферро».

Тенденции исторического образования, показанные М. Ферро еще в 80-е гг., мало поменялись к нашим дням. Показательны в этом плане материалы большой дискуссии о преподавании истории Второй мировой войны в разных странах мира [7]. Здесь, в дополнение к уже известным со времен М. Ферро феноменам, отмечались такие вещи, как заметные проявления фальсификации истории. К примеру, в докладе известного финского историка Йохана Бекмана подчеркивается: «Фальсификация истории имеет определенную географию. Такие страны, как Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, Литва и Украина искажают историю Второй мировой войны сообразно собственным интересам. К тому же относится непрерывная психологическая война против России и русских. Цель этих действий заключается в стремлении уничтожить всё, что может напоминать о Советском Союзе, – т.е. уничтожить Россию. Агрессивные атаки против русских имеют прежде всего психологический смысл, поскольку их объединяет одна задача – заставить русских испытывать вину, растерянность и гнев против руководителей своей страны» [7, с. 128].

Что касается острых проблем отечественного исторического образования, то наиболее характерные из них – это: работа по «заемным» когнитивным лекалам (соросовские программы); безмерное расширение числа рекомендуемых для преподавателей и учащихся учебников; а также ничтожное число учебных часов, отводимых на изучение Второй мировой войны (4 часа за все годы обучения) и других наиболее значимых исторических событий. Например, федеральный перечень учебников, рекомендованных и допущенных к использованию в образовательном процессе общеобразовательных учреждений, утвержденный Минобрнауки РФ (список действует до 2014 г.) насчитывает 108 учебников [7, с. 315].

Понятна озабоченность Президента РФ и его рекомендации о значительном сокращении подобных списков и выработке более четких, сбалансированных подходов к историческому образованию и ориентации на более четко сформулированные цели образовательного процесса в области отечественной истории, включая и советский ее период.

Заключая сказанное применительно к реконструкции советского прошлого, подчеркнем, что образы его задевают интересы ряда влиятельных социальных и политических групп, которые лоббируют действия, направленные на аберрацию восприятия и фальсификацию недавней истории.

Своеобразным «противоядием» против подобных исторических аберраций выступает метод полицентричной подачи в репрезентации исторических образов, основанный на информировании (в политкорректных формах) массового субъекта о существовании параллельных и альтернативных образов одних и тех же процессов и событий.

Привычки и навыки полицентричного исторического восприятия позволяют снизить эмоциональный накал в историческом восприятии и сформировать более сбалансированное, взвешенное отношение к прошлому. Это в первом приближении. Что касается последующих шагов, то они, как уже от-

мечалось выше, требуют включения в полной мере методологической рефлексии в сфере исторического познания и обращения к контексту, который образуют подходы, связанные с различными версиями философии истории.

Литература

1. *Уэллс Г.* История цивилизации. М.: Астрель, 2011.

2. *Медведев Р.* Советский Союз. Последние годы жизни. М.: Астрель, 2011.

3. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный клуб, 2010.

4. *Потемкин А.В.* Проблема специфики философии в диатрибической традиции. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1980.

5. История и философия науки. Кн. 4. М.: Изд-во МГУ, 2010.

6. *Старостин А.М.* Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. М.: URSS, 2012.

7. Вторая мировая и Великая отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. М.: РИСИ, 2010.

УДК 327:947

Кислицын С.А.

К вопросу о геополитическом значении и уроках распада СССР

Исторический опыт распада великого Советского государства имперского типа является исходным пунктом для теории и практики укрепления Российской Федерации и формирования новых интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Геополитика России, империя, советский тип государства, исторические уроки распада СССР, перспективы Евразийского Союза.

Проблема распада СССР и перспективы развития Российской Федерации как государства имперского типа является одной из самых острых и дискуссионных. В сборнике статей под редакцией А.Эткинда. Д. Уффельманна и И. Кукулина «Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России» (М., 2012) утверждается, что в России и СССР сложился особый тип имперского колониального управления, при котором государство относится к подданным как к покоренным в ходе завоевания, а к собственной территории как к захваченной. Естественно, что такой подход означает фактически повторение известного тезиса о России как «империи зла», которую нужно переучить и проработать в интересах демократии. Американский геополитик З. Бжезинский неоднократно заявлял, что Россия или станет демократией, распавшись на ряд самостоятельных образований, либо будет сохраняться в качестве авторитарной империи. Как ни странно, советник президента США Б.Обамы в своих суждениях вполне рационален.

Еще Шарль Луи Монтескье выявил закономерность, согласно которой демократические режимы успешно реализуются в маленьких государствах, монархии - в средних, а в огромных империях необходимы жесткие авторитарные режимы. В частности в главе XIX его знаменитой книги «О духе за-